

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр НЕЖИНСКИЙ

БРАТСТВО КРЕСТ И КЛИНОК

Эта битва незрима, эта битва вечна

Александр Нежинский
Братство. Крест и клинок
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/18402816>

Нежинский, Александр. Братство: Крест и клинок: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-096940-1

Аннотация

<p>Ад реален. Реальны и его Князь, и многочисленные его легионы. А также – колдуны, ведьмы, чернокнижники и прислуживающая им нечисть. Многие века им противостоит Братство – тайная сила Православной церкви. Крест и клинок против черной магии и адских козней, вера и мужество – против зла и коварства. Бой будет страшен, и какую цену придется заплатить за победу, не знает никто.</p>

Александр Нежинский

Братство: Крест и клинок

© Александр Нежинский, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Ворожей не оставляй в живых.
(Исх. 22, 18)*

Кто вам сказал, что пить водку в одиночку – это предел морального падения и предпоследний шаг к «белочке»? Не, фигну вам сказали. Неправду... Вот пару недель назад Ле-ха пил... со своим собственным табельным «макаровым»! А что?! Очень даже ничего получалось: кладешь «ствол» перед собой на кухонный столик, давным-давно заляпанный самыми разнообразными пятнами до вполне камуфляжной окраски – вот тебе и собутыльник. И чокаться с ним нормально, и тосты ему говорить. Самое прикольное началось, когда «макар» на эти тосты вроде как начал отвечать... Или показалось? Не, но подмаргивал он Лехе точно – лихо так, дульным срезом ствола, черной дыркой в вечную бесконечность. Наводя при этом на вполне конкретные мысли, чего уж там...

Потом «ствол» забрали – вместе со служебным удостоверением, ессесно... Короче говоря, Алексея, двадцати восьми лет от роду, капитана милиции, старшего опера «убойного» отдела уголовного розыска (теперь уж бывшего, понятное дело), со службы выперли. Как суконно сказано в официальных бумажках, «по отрицательным мотивам». А говоря по-простому – в шею, с треском, со свистом. Вот только что не с позором – чего не было, того не было...

...Вынырнув из мутно-тяжелого, как взгляд безнадежно-го сумасшедшего, алкогольного то ли полусна, то ли полубреда, Алексей попытался первым делом сориентироваться в пространстве-времени и вообще – в окружающей обстановке. Где? Дома... Класс! Ух ты, еще и в постели «отрубился» – мол-л-лодца! Один? Точно, один. Ну, вообще супер. А времени-то хоть?... Часы... Часы, да где ж часы-то?! А-а-а – вон они вроде. Полшестого... Полшестого чего?! И... стоп! Они идут-то хоть – часы эти? Сам же в них подушкой запулил вчера – тикали громко, сволочи такие! Или не вчера? Или ботинком? Хотя – какая разница? Теперь вроде не тикают. Плохо... Сориентируемся по свету. Ага, щас... Шторы плотные, из-под них какая-то вроде муть пробивается. Идти отдергивать?! Разбежался... Тут бы на кровати сесть. Ай, да какая вообще, нафиг, разница – утро, вечер?! Вот что с головой делать – это вопрос...

Переходить к диагностике собственного организма абсолютно не хотелось. С другой стороны – чего тут диагностировать?! Полный клинический набор под названием «и в запой отправился парень молодой». Башка раскалывается, глотка пересохла до состояния пустыни, во рту справили нужду – от малой до великой – все возможные и невозможные представители фауны... А уж тошнит-то! Да, кстати – а мутит ведь не только и не столько со ставшей, в общем, привычной уже похмелюги, сколько от совершенно невообразимой вони, доносящейся откуда-то из квартиры. Нет, это даже не вонь – это ж **ВОНИЩА!** Вот именно так – все прописными буквами и с восклицательным знаком. Понятное дело, квартира молодого холостяка, да еще и если учесть, что в ней уже чуть ли не месяц безраздельно властвует змей цвета самой популярной в мире валюты, ничем порадовать человеческое обоняние не может по определению. Но чтоб такое! И, кстати, вчера этого вроде бы не было. Ну, в смысле не воняло же так!

Из последних сил сдерживая становящиеся почти неконтролируемыми рвотные позывы, Алексей заставил себя принахаться. И тут же волосы на коротко-стриженной башке зашевелились, а на загривке и вовсе по-собачьи встали дыбом. Смердело отнюдь не скопившимся бытовым мусором и не героически погибшей при исполнении обязанностей закуски рыбной консервой. Уж этот-то запах он не спутал бы никогда

и ни за что ни с каким другим. «Спасибо» богатому опыту... В квартире совершенно отчетливо пахло смертью...

Трупов за время службы в «убойном» Леха навидался немало – как свежих, так и отнюдь нет. Так что, пардон за цинизм – и нанюхался тоже. Не раз и не два его впоследствии посещала мысль: если бы кинематограф и телевидение обладали способностью передавать не только визуальные образы (изрядно, кстати, «подмарафеченные» в сравнении с грубой натурой), но и запахи – создатели многочисленных боевиков и прочих «кинострелялок» обанкротились бы в момент. Хотя... абсолютное большинство людей привыкает ко всему. Избито, банально – но ведь правда же! Вот и он в свое время привык. Первое же мертвое тело, в осмотре которого ему довелось участвовать, оказалось трупом мужика, повесившегося самостоятельно, по причинам, которых Алексей так никогда и не узнал. Матерые волчары-сыщики, прихватившие «для науки» с собой зеленого щенка-«летеху», после молниеносного, как тогда ему показалось, осмотра вынесли вердикт: «Самоубийца. Никакого криминала», и группа отбыла восвояси, оставив «головняк» местному участковому.

Алексей тогда смотрел на пустой сосуд, оставленный жизнью и душой, и, по правде говоря, не испытывая особенного шока. Да и потом... Нет, впоследствии доводилось наблюдать зрелища куда более кровавые и шокирующие, но... Что

интересно – в памяти неотвязно оседали почему-то не раны и кровь, не мертвые лица и потухшие глаза, а какие-то, на первый взгляд, не самые жуткие подробности – вроде сандалика, свалившегося с неестественно вывернутой ножки девочки, валявшегося на грязном полу подвала. Той самой девочки, с которой и начался для старшего опера Лехи путь к полному и окончательному крушению его сыщицкой карьеры.

Этого подонка Алексей запомнил бы на всю жизнь – даже если бы тот не стал последним из тех, по чьему кровавому следу ему довелось идти. Начиналось-то все с «обычного» выезда на место преступления – детский труп в подвале банальнейшей панельной девятиэтажки обнаружила дворничиха, бдительно среагировавшая на открытую дверь, куда самолично не так давно вешала новенький замок. Когда жертва ребенок, это всегда – страшней некуда. Тут не спрячешься за выработавшиеся в «убойном» способы психического самосохранения – привычный сыщицкий цинизм и способность не пускать увиденное «в себя». Такое ломает все защитные преграды в мозгах и в душе – если, конечно, в тебе еще осталось что-то от нормального человека. И тем не менее сквозь завлакивающую сознание багровую ярость от увиденного мелькнуло сугубо профессиональное: «Только бы не серийник!» Ну да, как же... Не с нашим счастьем.

Детские трупы пошли чередой. Серия, да еще какая серия! Менялся почерк – способ убийства (вместо удушения в первых трех случаях, гад начал кромсать свои жертвы так, что кровью заливало все вокруг), место (подвалы после опять-таки первых эпизодов сменились на заброшенные дома или помещения в давно разграбленных и всеми оставленных «промзонах»). Мало того – на местах убийств сыщики начали наткаться на какую-то, похоже, кровью жертв намазанную мазню: непонятные, но явно зловещего вида символы, пентаграммы и тому подобную мерзость. «Совсем мозгами поехал! В сатаниста играется, тварь», – такой вывод сделали большинство из тех Лехиных коллег, кому довелось повидать все эти ужасы воочию. Вот только... А игра ли это была?! Ни за что и нипочем Алексей не стал бы делиться этими мыслями даже с теми из коллег, с кем отношения его были более чем доверительными. Ну, разве что, если б уж пришла охота окончательно приобрести репутацию сумасшедшего. И так уже доводилось в свой адрес слышать: «планочник», «обезбашенный», «контуженный» и тому подобные «лестные» эпитеты. Когда – в спину, шепотом, а когда и в лицо. В высоких начальственных кабинетах, естественно.

И все-таки... Будь он все еще желторотым первогодком, попавшим на первые свои «мокрухи», можно было бы списать на шок и тому подобное. Так ведь нет – осматривая не первые и даже не сто первые за свою службу места преступ-

лений, Алексей совершенно явственно ощущал там присутствие зла. И не того, что, скажем откровенно, стало уже где-то привычным и обыденным, будучи четко расписано по статьям Уголовного кодекса и намертво вбито в отшлифованные пункты оперативно-розыскных мероприятий, а именно что Зла. Такого, при соприкосновении с которым чувствуешь приближение к тьме и пустоте, коим нет ни названия, ни описания, и на место обычного, замешанного на приземленном инстинкте самосохранения страха приходит такой глубинный ужас, что, кажется, сама душа твоя обрывается и ухает в никуда... Впрочем, как уже сказано было выше, ни с кем даже заикнуться о подобных ощущениях и впечатлениях Алексей не рискнул бы ни в жизнь. Не тот случай.

А потом все закончилось. Внезапно. Вдруг. И совсем не так, как думалось... Вот просто раздался телефонный звонок, и некто (чей номер так и не смогла зафиксировать специально установленная именно для этого хитрая аппаратура) спокойным и даже где-то монотонным голосом поведал – где именно надо искать того, в поисках кого давно сбились с ног все опера города. Идите – и возьмите... Группа, на задержание не то что выехала, а вылетела немедленно – не успели еще умолкнуть гудки в положенной на рычаг трубке. И конкурс на место в ней был почище, чем на кресло в парламенте во время выборов. Но тут в плюс Лехе как раз сыграла его молодость, одним из бонусов имеющая, естественно,

отменные физические кондиции. Дурных иллюзий относительно того, что «клиент» при виде милицейских «корочек» упадет, рыдая от раскаяния, на колени и томно протянет руки под «браслеты», не строил, естественно, никто. От подобного гада, да к тому же, по всеобщему мнению, совершенно и окончательно сбрендившего, ожидать можно было чего угодно. Так что на подсказанный таинственным анонимом адрес выдвигались, экипировавшись «по-взрослому»: «броники», пусть и легкие, носимые под курткой, табельное оружие. Кто-то не поленился даже прихватить кургузый огрызок АКСУ. Мало ли...

Самое интересное, что ничего из этого сыщикам не понадобилось. Душегуб (и вправду оказавшийся точно по указанному адресу) встретил ввалившихся в его дом сыскарей не беглым огнем или острым лезвием клинка. Он встретил их смехом... Вот эта ржущая, откровенно забавляющаяся образина и стояла перед глазами у Алексея по сей день. «Жалкие черви!» «Ходячее мясо!» «Вы пришли брать меня – ну так берите! Все равно ничего вы мне сделать не сможете – Хозяин не позволит! Он моя сила, он моя защита...» Вот такими примерно речами были ошарашены столпившиеся перед невиданно наглым уродом сыскари. А дальше произошло и вовсе нечто невообразимое – из немелкого тела убийцы вдруг словно кто-то выдернул одним махом какой-то стержень. Или – скорее – враз обрезал ниточки у кривлявшейся

марионетки. Ноги подкосились, руки обвисли плетьюми, глаза, еще секунду назад бывшие совершенно осмысленными, остекленели и сошлись в одну точку, а изо рта потянулись тягучие нити слюней. Зрелище было отвратным донельзя...

А потом он вдруг, так же внезапно, «вернулся». И в доме снова зазвучал издевательский смех: «Видели?! Я таким могу стать, когда захочу! И быть, сколько захочу! Так что максимум мне светит дурдом. А уж оттуда-то я выйду. Еще как выйду! Я вернусь! Ве-е-ерну-у-у-сь!» – чуть ли не пускающий пену с заведенными под лоб глазами убийца уже даже не орал – выл... «Я вернусь – и они снова будут кричать! Он любит, когда мясо кричит! Он...» Неизвестно, что бы еще поведал обалдевшим от его «шоу» слушателям упивавшийся моментом душегуб о криках своих жертв и таинственном ком-то, кому эти крики предназначались, если бы в первом ряду этих самых слушателей не стоял Леха. И если бы у Лехи не стоял вот уже несколько минут перед глазами детский сандалик на грязном полу подвала...

Определенные навыки в уголовном розыске очень быстро нарабатываются до уровня «автомата» – если, конечно, ты хочешь быть живым сыщиком, а не мертвым героем. С предохранителя «ствол» был снят и патрон в патронник был дослан еще на подходе к дому. Вскинуть «макаров» вверх и плавно, как тысячу раз учили, нажать на спуск для человека

тренированного – дело секунды. Алексей был тренирован на совесть. Так что подскочившие с боков и сзади и насевшие на него коллеги выдирали из крепких пальцев уже вставший на затворную задержку пистолет с пустым магазином. Восемь «девятимиллиметровых» легли в цель с отменной точностью и кучностью. Инструктор по боевой подготовке точно бы похвалил. В отличие от прокурора...

Был бы Леха другим человеком, были бы у него другие отношения с коллегами и начальством, не числились бы за ним помимо неизбежных для каждого молодого «опера» «залетов» и дела, прямо скажем, достойные и серьезные – могло бы закончиться куда хуже. Чего уж там говорить – тюрьмой вполне могло бы закончиться... Окажись в руках задерживаемого хотя бы завалыщенский предмет, который можно было бы отнести к оружию, да хоть ножик перочинный – может, и обошлось бы. А так... Максимум, что удалось сделать – «отмазаться» от крайне неприятных статей Уголовного кодекса, «отделавшись» увольнением. Зато никакого «Я вернусь!» в исполнении свихнувшегося маньяка теперь не предвиделось. И не будет больше детских трупов под кровавыми пентаграммами в заброшенных домах... Это так Леха думал, пока, стянув-таки себя с развороченной кровати, полуошупью ковылял по собственной квартире в поисках источника выворачивающей нутро вонищи. Эта мысль, собственно, и осталась последней здоровой мыслью в его голове на тот мо-

мент, когда он увидел-таки, что именно является источником гнуснейшего запаха. А вернее — *кто...*

К счастью, определенный жизненный или, скорее уж, профессиональный опыт может дать неоспоримое преимущество в некоторых, скажем так, совершенно нестандартных ситуациях. Если абсолютное большинство людей, увидев то, что предстало перед глазами Алексея, моментально чокнулись бы, не сходя с места, то он просто остолбенел, застыв посреди комнаты как вкопанный. Было от чего. Прямо в проеме двери, ведущей в кухню, стоял, вцепившись в дверной косяк рукой, а скорее даже лапой с неправдоподобно отросшими кривыми ногтями (почему-то в данном случае в глаза Леше бросилась как раз именно эта деталь) ...ну да... тот самый маньячила-сатанист, в которого Алексей самолично высадил магазин из «макарова».

Он был мертв. То есть — вне всяких сомнений, абсолютно и совершенно мертв, мертвей некуда. Мало того, начавшей разлагаться плотью невыносимо несло как раз именно от него. Голый торс «гостя» помимо отвратительных трупных пятен и отчетливо видимых входных отверстий от пушечных пуль, выпущенных почти в упор, «украшали» и следы работы паталогоанатомов — не очень-то аккуратно заштопанные разрезы. И тем не менее — *это* вполне твердо (ну... как для трупа) стояло на ногах, издавало порезанной в морге

глоткой какие-то омерзительные свистяще-шипящие звуки, а главное – во все глаза уставилось на застывшего в ступоре хозяина квартиры. И вот глаза... глаза-то как раз и не были пустыми и стеклянными, как у книжно-киношных зомби. Не были эти красные, пылающие адской злобой буркалы глазами мертвеца. Да и вообще человеческими эти глаза не были – если уж на то пошло. Издав то ли хрип, то ли рык, в котором явственно слышались удовольствие и предвкушение удовольствия еще большего, незванный гость с горящими глазами отлепился от дверного косяка и сделал навстречу Алексею пару шагов. Гораздо более уверенных и ровных, чем можно было бы ожидать от разлагающегося трупа...

Кто-то другой на Лехином месте наверняка продолжал бы предаваться в эти минуты совершенно бесполезным паническим размышлениям вроде: «Этого не может быть! Мертвые не встают! Я схожу с ума! У меня галлюцинации!» И при этом продолжал бы стоять на месте, будучи не в силах перебороть накопленные за всю жизнь предубеждения, веру в невозможность нереального и воспринять происходящее как угрозу вполне конкретную. Так и стоял бы, размышляя: куда ж звонить – в милицию или все-таки в «скорую», пока лапы с кривыми ногтями не сомкнулись бы на горле, сделав данный выбор не имеющим смысла. К огромному счастью, для Алексея подобное поведение в минуты опасности было неприемлемо. Угрозу он чувствовал прекрасно, на подсозна-

тельном уровне отличая реальную опасность от мнимой в доли секунды, и реагировать привык соответственно. Возможно, свою роль сыграло еще и то, что перед ним стоял не абы кто, а «клиент», которого он самолично «принимал», будучи еще на службе. Это – убийца! А то, что дохлый... Ну, это уже частности, не очень-то и существенные. Как надо реагировать на приближающегося к тебе убийцу – это он усвоил давно на уровне даже не подсознания, а инстинкта. Уж точно – не стоять покорной овцой, мучаясь вопросами возможности или невозможности происходящего!

Перед ним стоял враг! А значит, и поступать с ним следовало, как с врагом. И уж потом разбираться – каким непостижимым образом *это* вместо безымянной могилки на казенном кладбище или холодильника морга оказалось у него в квартире. Вот только имелась проблемка... И заключалась она даже не в отсутствии ставшего за годы службы самым привычным средства от головной боли – родимого табельного ПМ. Забравшихся к нему в дом воришек, грабителей или даже жаждущих свести давние счеты бандюков Алексей, поверьте, нашел бы чем угостить. Вот только в данном случае все возможные средства активной самообороны – от огнестрельного оружия до зубодробительных и костеломательных приемов «рукопашки», которыми он владел в совершенстве, были абсолютно бесполезны. Понимание этого пришло к Алексею как-то сразу, с абсолютной тоскливой безнадеж-

ностью. *Это* уже было мертво. Стрелять в него, резать, рубить... Возможно, решением вопроса могло бы стать полное расчленение гниющего ублюдка – чем-нибудь вроде бензопилы, к примеру. Однако, к величайшему сожалению, ничего такого в домашнем хозяйстве стопроцентного горожанина не имелось. Драться? Вот почему-то совершенно уверен был Алексей в том, что попади он в пределы досягаемости тянувшихся к нему грабок мертвяка – и поединок закончится самым плачевным для него образом. Оставалось одно – уходить от контакта и тянуть время, пытаюсь сообразить, как же все-таки разобраться с *этим*. Желательно – быстро и кардинально.

Предаваться раздумьям о выборе тактики долго не пришлось. Мертвец резко, одним рывком с места сократил расстояние настолько, что Алексея едва не вывернуло от навалившейся волны трупного смрада. Кривые ногти мелькнули перед самым лицом. Разрывая дистанцию, Леха ушел в сторону, за огромных размеров дубовый стол, возвышавшийся посреди гостиной с совершенно незапамятных времен – как бы не дедом поставленный. Мертвая тварюка, оказавшаяся, к очень неприятному удивлению, такой быстрой, снова рванула вперед, намереваясь, очевидно, с маху снести вставшую на пути досадную помеху. Не тут-то было! Старинный предмет мебелировки и с места-то сдвинуть удавалось далеко не всем и уж точно не в одиночку. Почувствовав беспо-

лезность первой попытки, мертвяк бочком-бочком двинулся вдоль оказавшегося несокрушимым стола, не сводя при этом бешеный взгляд с Алексея. Тот, в свою очередь, двигался таким же образом, пытаясь сохранять спасительный разрыв между ними, и при этом лихорадочно соображая: «А дальше-то что?!» Продолжать до бесконечности хождение вокруг стола тупо. Остается резко бежать туда, где под руку может попасться хоть что-то потяжелей. И желательно режущее-рубящее. Вот только что? И успеет ли он хоть куда-то добежать? После последнего стремительного броска мертвеца сомнения в этом были более чем серьезные. Ладно – пока отступаем. Шаг... Еще шаг... И еще...

Дальше случилось то, что, собственно, и должно было случиться практически неминуемо. Если долго разводить в квартире бардак, то одним из неминуемых его последствий будет масса самых разнообразных предметов, хаотично разбросанных по полу. Вот на один из таких предметов Алексей и наступил босой ногой. Нога, естественно, подвернулась. Результат – с громким стуком он приземлился на задницу, войдя при этом в жесткое соприкосновение с какой-то еще валявшейся на полу дрянью. Копчик, а от него и все тело прострелил разряд боли – такой, что в глазах потемнело и заплясали веселенькие искры. Но даже сквозь них Алексей увидел, как тварь, издав торжествующий рык, рванула к нему. «Трындец, похоже...» – Затуманенное болью сознание реагировало на происходящее почему-то вяло...

Так же вяло отреагировало оно и на грохот распахнувшейся в прихожей входной двери. Алексей, жалко пытающийся отползти от уже наваливающегося на него монстра, даже не сразу понял, что гостей в его доме существенно прибавилось. И эти вновь прибывшие, слава богу, были живыми. Впрочем, смотрелись они здесь и сейчас тоже, мягко говоря, не совсем уместно.

Вошедших было четверо. Двое из них, совершенно однозначно, были священниками – простые черные рясы, наперсные кресты. А вот двое других... Если бы у Алексея была возможность к ним присмотреться, то он, пожалуй бы, крепко удивился такой компании батюшек. Поскольку эти ребята, одетые не в рясы, а в простую черную одежду, скроенную явно с таким расчетом, чтоб не стеснять даже самых резких движений, на священнослужителей не походили ну ни капельки. Зато сильно смахивали – по целому ряду тех признаков, по которым профессионал четко и безошибочно узнает профессионала – на матерых спецназеров, с которыми Алексею доводилось «пересекаться» не единожды. И, кстати говоря, первые же их действия такую версию подтверждали стопроцентно – неуловимо-плавными движениями оба они пересекли комнату и, не сговариваясь, совершенно синхронно оказались по бокам у мертвяка, моментально переключившего свое злобное внимание с поверженного Алексея на вошедших. Дальнейшее было еще красноречивее: у одного

в бывших еще мгновение назад совершенно пустыми руках оказалось вдруг что-то вроде короткой дубинки, которой он нанес резкий удар. Похоже, отвлекающий – поскольку в ту же секунду его напарник, тоже вроде бы безоружный, полоснул тварь выхваченным непонятно откуда коротким клинком по тыльной стороне ног. Издав истошный вой, тварь рухнула на колени как подкошенная. И тут в дело вступили священники.

«Слава богу, нашли! И вовремя, похоже... – выглядевший постарше батюшка повернулся к своему более молодому спутнику. – Давай, с Богом...» Перекрывая визг корчащегося мертвяка, в комнате зазвучали чеканные строки молитвы. «Да воскреснет Бог и да расточатся врази его...» В ту же секунду резавший уши визг перерос в... Даже сложно сказать во что – это был уже не звук, это было нечто, сопоставимое по силе воздействия разве что с ударной волной от приличной мощности боеприпаса. Тем не менее застывшие фигуры в черном даже не шелохнулись, мало того – все четверо раз за разом осеняли себя крестными знамениями. А потом... Вот что было потом, Алексей в тот раз так и не увидел. Пришедшие на помощь людям высшие Силы милосердно позволили его истерзанному сознанию наконец-то отключиться.

...Сказать, что повторное возвращение Алексея в реаль-

ный мир было приятней первого, означало бы крепко погрешить против истины. Тошнота вроде бы поуменьшилась – тем более что вместо тяжелого трупного смрада и прочих малоприятных «ароматов» вроде застарелой табачной вони, воздух в квартире теперь был наполнен запахом ладана и еще чего-то незнакомого, но явно приятного обонянию. Но вот голова раскалывалась как бы еще не больше. Совершенно немилосердно болела, если быть откровенным. Да вдобавок раскатывалась по всему телу при каждом движении волнами одуряющая слабость. Такая, что при попытке встать с пола в привычном режиме – то есть резко, все вокруг поплыло перед глазами... «Это что ж, достал менядохлый гад все-таки?» – первая мысль у Алексея была именно такой. Хотя... вряд ли. Кроме многострадальной башки, нигде в организме ничего не болело, не саднило и не пекло. Не было, короче, никаких признаков нанесения телесных повреждений какой-либо степени тяжести. Да и беглый осмотр собственной тушки ничего такого не выявил. Странно...

Обследовать себя, любимого, на предмет следов контакта с незваным гостем Леха принялся, поднявшись-таки, хоть и не с первого раза, на изрядно подгибающиеся ноженьки. И так увлекся процессом, что совершенно упустил из виду присутствие в комнате одного из тех, кто так лихо взялись разбираться с мертвяком-приблудой. Да и то сказать – уютно устроившийся в глубоком кресле священник в темном сво-

ем облачении в глаза не бросался и внимание привлек лишь негромкой фразой:

– Оклемался, болезный? Как самочувствие?

На Алексея голос незамеченного им сразу батюшки произвел эффект выстрела над ухом. Неосторожно вскинув голову, тут же взорвавшуюся фейерверком неприятнейших ощущений, он, пошипев секунду-другую от боли, выдал наиглавнейший на данный момент вопрос:

– Где *это*?!

– Там, где надлежит быть. И останки бренные, и то, что в них... вселилось, так скажем. Братия уже озаботились, а я вот остался – за тобой приглядеть.

О как! «Приглядеть», значит – как за дитем неразумным... Алексея почему-то вдруг царапнула обида, поскольку слова священника он воспринял именно так, забывая о том, что провел неизвестно сколько времени в собственной настежь открытой квартире, валяясь бревно бревном. И именно, что под присмотром и охраной этого самого батюшки. Враз захотелось закурить, и он заблуждал глазами по комнате, выискивая в окружающем кавардаке если не пачку сигарет, то хотя бы «бычок» приличных размеров. То ли рысканье это не укрылось от глаз священника, то ли тот вообще мысли читал... Поскольку тут же выдал с изрядной долей ехидцы:

– Ну, ты гляди – не успел очухаться, а уже нечистому покадить надо! Может, тебе еще и водочки тяпнуть охота? – во вроде бы участливым тоне собеседника скрытого яду было предостаточно.

От одного упоминания сорокаградусной Алексея замутило так, что пропали мысли и о сигарете. Зато обида выиграла с новой силой. Нет, понятно, святой отец, лицо духовное, поучать вроде как право имеет... Да и давай не забывай, дружище, что именно этот самый батюшка со своими спутниками жизнь тебе и спас – в отношении того, чем бы все закончилось без неожиданной подмоги, у Алексея никаких сомнений не было... Но зачем уж так вот! Действительно, как с дитем, да еще и недоразвитым. Насупившись, Алексей адресовал гостю один из тех фирменных милицейских «ласковых» взглядов, под которыми обычно самые матерые бандюки как-то вдруг моментально съеживались в размерах и, резко отставив «понты», начинали задумываться о вечном. На священника же этот более чем красноречивый взгляд воздействия не оказал ни малейшего. Улыбнувшись ласково, он продолжил беседу:

– Эх, Алеша, Алеша... Натворил ты дел. Запутался, заблудился – и за что хватаешься? Много она тебе помогла, водка-то? Память поправила, прошлое изменила, будущее указала? Себя понять помогла или, может, жизнь нашу сложную, о которой ты, оказывается, вовсе даже и не все знаешь? Убийство убийством не поправишь – особенно если себя са-

мого убивать...

Вот тут Алексея проняло, что называется, всерьез. И не сколько оттого даже, что в нескольких простых словах незнакомый до сегодняшнего дня батюшка выложил перед ним как на ладони и непутевую его долю и еще более непутевые попытки эту долю, как говорили в старину, избыть... Нет... *Алеша*... Вот это именно обращение резануло по сердцу, рвануло душу, и так истерзанную до края. Потому, что единственным человеком, кто так к нему обращался, была мама – так давно навеки ушедшая вместе с отцом. В ту страшную ночь, что в одночасье сделала его круглым сиротою, оставив один на один с огромным и, как очень скоро оказалось, безмерно жестоким и гадким миром, Алеша умер. Остался Леха, превратившийся со временем в лихого Леху-летеху, залихватски умевшего ломать руки и двери, стрелять и догонять, пить водку и крутить головы молоденьким дурочкам. И совершенно не умевшего плакать...

И вот теперь его снова называли Алешей. И – самое странное – звучало это в устах священника так, словно тот имел полное право звать того, давно потерянного по жизни и забытого мальчишку. Обида враз прошла – вместо нее накрыло ощущение пустоты и страшной, чудовищной ошибки, которую уже никак нельзя исправить. Или все-таки можно?! Алексей проглотил уже вертевшийся на языке ответ, самым

мягким вариантом которого было бы: «Какое ваше дело?!» и вместо этого устало спросил:

– Дел натворил, говорите... Это вы о... выходяще с того света, что ли? Чего он вообще приперся? И как?! И вы-то сами кто? Ни в жизнь не поверю, что случайно тут оказались!

Священник в ответ улыбнулся – еще шире:

– Вон сколько вопросов... Да это еще и не все, я думаю. Но оно и хорошо – что спрашиваешь. Очень даже хорошо... Но разговор у нас, похоже, будет долгий. Чай-то у тебя хоть есть?

Чай у Алексея был. И очень даже неплохого качества... Этому факту он в очередной раз порадовался, вертя в руках бог знает какую по счету кружку с остывающими остатками ароматного напитка. Кстати, с каждым глотком ему становилось лучше: покидала тело слабость, уходила головная боль и похмельная муть. И вправду чай оказался куда как хорош... Или, может, дело было в том, как его заваривал взявшийся уверенно хозяйничать в холостяцкой кухне священник? И вроде ведь ничего особенного не делал – а вот поди ж ты...

Впрочем, вопрос о чудесно объявившихся в самом обычном напитке целебных свойствах занимал сейчас Алексея в самую последнюю очередь. За незаметно пролетевшие пару часов он услышал столько... И такого!.. По правде говоря, ощущения его сейчас были сродни тем, что испытывал бы человек, всю свою жизнь просидевший в наглухо закрытой комнате, после того, как некто вывел бы его наружу и по-

казал, что там, совсем рядом, существует совершенно другой мир. Гораздо сложнее и непостижимее того «мироздания», которое до этого момента умещалось у бедолаги в убогих четырех стенах. При этом надо сказать, что абсолютное большинство знаний о вещах, до сего дня надежно укрытых от него неведением, Алексея совсем не порадовало. Чего уж там – скорее, ошарашило и напугало. Хотя еще вчера он просто рассмеялся бы в лицо любому, посмевавшему утверждать, что его в этой жизни может напугать хоть что-нибудь.

Но ведь и речь-то шла о вещах вовсе не обыденных и даже не о той «изнанке» жизни, к которой успел за годы своей отнюдь не легкой и не сладкой службы в «органах» приноровиться и пообвыкнуться! Одно дело задержания, засады, бугаи с выбритыми затылками, отнюдь не желающие предавать себя в суровые руки Закона, стволы-ножики и непременные обещания «поквитаться» тех, на ком защелкиваешь наручники.

И совсем другое – не догадка, не подозрение, а *знание* того, что все это – так, смех, игрушки, беспорядок в детсадовской песочнице по сравнению с истинным Злом, реальное присутствие в мире которого ему довелось ощутить недавно, а сегодня и столкнуться с ним воочию...

Оказывается, ничего ему не мерещилось – там, на местах жестоких расправ, которые и вправду были жертвоприношениями действительно существующим демонам ада! Ибо

вполне реальны и ад, и его князь, и многочисленные легионы нечисти. А главное – более чем реальны люди, которые упорно, из года в год, из века в век пытаются проложить дорогу в наш мир запредельному Злу во всем его жутком многообразии. Заключают с адскими выходцами и созданиями сделки, союзы и вовсю используют дарованную им от «хозяев» злую силу. И тогда на их пути встают другие люди – те кто, опять-таки веками ведет войну со всей этой темной братией, защищая род людской, предпочитающий жить в счастливом неведении об этой надежно скрытой от его глаз войне. Один из таких людей как раз и сидел сейчас на кухне Лешиной квартиры, попивая чаек и пытаясь поделиться с хозяином правдой – какой бы сногшибательной та ни была.

Со слов отца Михаила (именно так звали священника) выходило, что подобного рода организации, которые правильной всего называть было братствами, на манер монашеских орденов, все как одна тайные, существовали практически во всех церквях. В нашей же православной, принявшей крещение от Византии, они появились едва ли не с первых дней прихода новой веры на Русь. Ибо слишком сильны были адепты веры старой, язычники-волхвы. Слишком большой кровью могло бы обернуться принятие христианства, сумей и успеи они воззвать к тем силам, от которых многие из них черпали свое могущество... Схватка с ними была кровавой и жестокой, однако именно она позволила Руси избежать тех

ужасов, что выпали Европе во времена великой инквизиции и охоты на ведьм. Но и в последующие века дел и забот воинам церкви хватало – ибо человек слаб, а соблазны, идущие от нечистого, куда как сильны.

Многое довелось перенести им вместе с матерью-церковью, плотью от плоти которой они были и остаются – смуты, войны, страшные годы воинствующего безбожия... И вот теперь, когда вроде самое страшное закончилось, началось возрождение веры и церкви, пришли новые беды – такое впечатление, что посрамленная и укрощенная когда-то нечисть решила взять реванш и рвется в мир людей с силой и яростью, которых давным-давно уже не бывало. Казалось бы – восстанавливаются давно разрушенные и заброшенные храмы и монастыри, открываются новые приходы, пусть понемногу, но к священникам начинают прислушиваться и искать духовной поддержки те, кто еще три десятка лет назад и помыслить об этом не мог – военные, милиция, власть предержащие. Но для скольких из них эти проявления – искренние, идущие от души, от настоящей веры? А для скольких – лишь следование моде, новому поветрию, согласно которому в кабинете на видном месте должны стоять не портреты «вождей мирового пролетариата», а иконы? Может, оттого и чувствуют себя так вольготно в стране всяческие «потомственные маги», «ведуньи», а также «учителя» и «гуру», чьи «проповеди» далеко не всегда являются безобидными бреднями? Вечен свет Божий, но вечен и яростен Враг рода че-

ловеческого, веками толкавший и толкающий людей на путь гибели. То тут, то там тянутся глупые и алчные к запретным «великим знаниям», не понимая того, что запретными эти знания стали не по чьей-то прихоти, а оттого, что опасны смертельно для любого, кто к ним прикоснется. Возвращаются в мир «черные манускрипты», несущие в себе зловещие заговоры и ритуалы, всплывают из небытия созданные людям на соблазн и пагубу дьявольские артефакты. Из-за грехов человеческих, из-за творимого людьми зла истончаются грани между миром людей и темными безднами, где ждут своего часа нечистые твари, рвущиеся в наш мир, чтобы вредить и уничтожать. И тогда в свой вечный бой снова вступает Братство...

– Так что ж получается – этот, которые ко мне приперся, он самый настоящий зомби и есть!? – выслушав «общую часть», по въевшейся намертво «оперовской» привычке не удержался от сугубо конкретного вопроса Алексей

– «Зо-омби»... Шмомби! Нахватался словечек из глупых фильмов и лепишь их, куда не след, – аж скривившийся от дурного, по его мнению, вопроса, священник не удержался, чтоб не уесть собеседника. – Дух это нечистый! Тот, кого ты, по глупости и незнанию своему, убил, был тем духом одержим. Вот именно дух этот самый мертвое тело поднял – да и отправил мстить тому, кто его планы нарушил. Господа возблагодари за то, что мы в Братстве по своим каналам информацию об этом душегубе имели, и, пусть опоздали с тем, что

сделать сами были должны, но ситуацию отслеживали. Попросили человечка, в морге работающего, присмотреть... за покойничком. Вот только тот резвее оказался, чем мы себе представить могли. Слава богу, нам вовремя сигнал поступил – хоть тут успели...

– Нет, погодите! Послушать вас, так что ж выходит?! – Алексей, опешив не на шутку от услышанного, прицепился к словам «убил по глупости» и полез сразу спорить. – Мне не стрелять в него надо было, а цветочки подарить?! Или попросить покаяться в том, что он натворил? Так, что ли?! А может... как там у вас написано? Другую щеку подставить? То-то бы этот гад порадовался!

– Во-первых, не «у нас», а в святом евангелии. И не к тупой покорности злу и потаканию насилию то, что написано, призывает – нечего цитаты из контекста дергать, тоже мне, толкователь! Ну, да что с тебя взять... – по всему видно, батюшка старался проявить максимум отпущенных ему терпения и смирения перед лицом невежды. – А, во-вторых, «покаяться»... Ну да, если б ты его об этом просил или даже приказывал, то конечно... Он прям бы так и кинулся каяться! Чины церковные специальные есть для таких случаев, молитвы. Ритуалы специальные – это чтоб тебе понятно сказать. Но не пулей же в лоб! Случается и нашим братьям и силу применять, и оружие. Да что там – ты сам видел... Но вопрос – кому, когда и как! Вот ты скажи – если какой-нибудь школяр или, допустим, бабушка-пенсионерка кинутся

вооруженного до зубов бандита задерживать – что получится?

– Да ничего хорошего, понятное дело... Как для них самих, так, скорей всего, и для всех окружающих!

– Вот, верно. И сами ни за грош погибнут, и дело загубят. Хотя вроде бы и побуждения правильные, и поступок хороший. Вот и здесь так же. Против каждой силы должна быть другая сила, а не только благие намерения. Против злой, сатанинской – лишь сила Божья, к тому же еще и в праведных руках. В руках тех, кто может противостоять такому, о чем вот ты до сего дня и не слышал.

– Значит, выходит – все у вас там священники? И эти двое, что так ловко с ножиками управляют – тоже?

– Правильно ты подметил, не все в нашем братстве – священники рукоположенные. Братья, о которых ты упомянул – они... вроде послушников. Живут в миру, но служат Господу, мечом охраняя тех, кто нечисть одолевает честным крестом. Впрочем, некоторые из них потом и монахами становятся. Те, кто доживает, конечно...

– Понятно! Силовое, значит, подразделение при батюшках! Спецназ, можно сказать!

– Вот именно. Священнику ведь, для того чтобы обряд совершить, молитвы читать и прочее, надо как минимум живым все это время оставаться! И отвлекаться не след... на всякое. А нечисть братьев наших ой как не любит! И достать старается всячески. Да и людей себе подчинять умеет ма-

стерски – сам видел, знаешь. Вот тут-то и нужны сила и воинское умение. А по поводу спецназа ты, кстати, кругом прав. Большинство из тех, кто с нами сегодня плечом к плечу с сатанинской силой бьется, как раз бывшие спецназовцы и есть. И видели-пережили многие из них такое, что тебе, прости уж, сокол ясный, и не снилось. Крови людской на некоторых из них, что воды ключевой... Но покаяться и сегодня праведным воинским служением грехи те, вольные и невольные, в войнах и «горячих точках» совершенные, искупают. Да и не одни они, кстати. Мне вот, к примеру, в Афганистане повоевать довелось...

Взор отца Михаила затуманился воспоминаниями – явно, не самыми светлыми. А Алексей взглянул на него совсем другими глазами. И тут же выпалил отчаянно вертевшийся на языке вопрос:

– Ну, и как же вы этих братьев-спецназовцев отбираете?

– Не мы отбираем, – отец Михаил усмехнулся, – Господь. Всяк свою дорогу к нам по-своему находит. Не все остаются – кто-то сам уходит, кого-то мы не принимаем. Но по большей части все-таки если уж человек к нам пришел, то с нами и остается.

– Значит, отсеиваете все-таки? А по каким параметрам? Подготовка плохая?

– Подготовка... – священник махнул рукой, – Не в подготовке сила! Не в умении биться – с мечом, с пистолетом или вообще без всего! Мало ли таких умельцев, от которых

в мире одно лишь зло приумножается?! Не в силе Бог, а в правде! Знаешь, кем сказано?

– Ну-у-у, если честно...

– Святого Александра Невского это слова! Вот он воин был великий, и святость заслужил, прежде всего, мечом обороняя веру православную и родную землю. Вера – вот, что главное. И вера истинная. Вот ты скажи – в Бога веруешь?!

Вопрос этот отец Михаил в Алексея, что называется, влил в упор – как выстрел. А тот и застыл на долгую минуту, не зная, как сформулировать то, что хотел сказать в ответ. Верил ли он? Однозначно – да! И пришла эта вера к нему после гибели родителей. Уж очень хотелось знать, что не ушли они в никуда, не канули в небытие, а пребывают где-то там, в светлой Вечности, в которой им, таким замечательным людям, уж конечно, должно быть спокойно и хорошо. Самое удивительное, что милицейская служба веру эту не погасила, не убила, а, наоборот – укрепила и усилила. Именно от того, что доводилось сталкиваться чуть ли не каждый день с человеческой мерзостью и гнусью, с несправедливостью, подлостью и злом, еще сильнее тянуло к Свету. Да и молитва, не напоказ прочитанная, перед смертельно опасным задержанием все-таки придавала уверенности в том, что кто-то незримый спасет и сохранит его, в общем, неплохого парня, с риском делающего свое правильное сыщицкое дело.

Но вот если перейти к конкретным заповедям, их соблюдению и вообще грехам и грешкам... Тут все обстояло во-

все не так хорошо. А потому, вместо того чтобы вскинуться навстречу священнику и радостно выкрикнуть «Верую!», Алексей опустил глаза и тихо, но твердо сказал:

– Верую, отец Михаил. Но как-то, наверное, неправильно...но...

– Это что же такое значит – «неправильно»?! – впервые, пожалуй, за весь разговор ошарашен был священник, а не его собеседник. – Ну-ка, объясни мне – как это у тебя получается «неправильно верить»!

– Ну-у... В церкви редко бываю. Исповедь там, причастие... Это вообще не помню когда. И грешу я... по-всякому. Водка там, сигареты... Да вы сами знаете, видели! И вообще... – тут Алексей сбился на какую-то совершенную невнятицу, еще сильнее потупившись в пол. Страшно, сказать, но похоже было, что он близок к тому, чтобы покраснеть – чего никогда в жизни за бравым опером не водилось!

– Вот, значит, как... Ну, что я тебе скажу, Алексей, человек Божий, – речь отца Михаила стала тихой и какой-то по-особому успокаивающей. – То, что ты сам себя грешником считаешь, и если в чем и сомневаешься, так прежде всего в том, достоин ли ты истинным сыном святой Церкви быть... В этом веры, быть может, больше, чем у некоторых в показном благочестии. Главное, чтоб в грехах своих ты раскаивался искренне, и искренне же желал от них избавиться. А тут все легко и быстро не бывает. Так что начнем с главного – ты ведь крещеный?

– А как же! – вот тут Алексею времени на обдумывание ответа не требовалось, вот он его и выпалил, да еще при этом и достал из-под застиранной домашней футболки доказательство – старый-престарый нательный крест, с которым не расставался вот уже долгие годы.

Священник не удивился. Он... просто остоленел, молча вглядываясь в то, что предстало перед его глазами – немало-го размера, отлитый из серебра, потемневшего не за годы, а, похоже, за века, крест необычной формы. Широкий и массивный, тот сужался в нижней своей части подобно клинку, да и боковые его лепестки имели не классические, прямые очертания, а изгибались, изрядно напоминая ту же гарду меча. На лицевой стороне крест нес изображение Спасителя, а на оборотной – строки молитвы, которые сейчас вряд ли бы кто разобрал. Однако отцу Михаилу прекрасно было известно, что это за молитва. И что это за крест...

– Откуда?! – только и смог он спросить в удивлении. – Откуда этот крест у тебя?! Как достался?!

– Отец дал, – Алексея несколько смутило крайнее удивление собеседника от взгляда на пусть и не совсем обычный, пусть старинный, но достаточно обыденный для священника предмет. – А сам крест... То ли деда, то ли прадеда. Семейная реликвия, одним словом. Отец не носил – сами знаете, какие времена были, а мне вот передал... А что в нем особенного такого, в кресте-то этом?!

– Особенного? Да ничего, можно сказать. Вот разве что,

– при этих словах отец Михаил расстегнул ворот и достал... такой же точно нательный крест, разве что явно поновее. Вот тут уж пришел черед Алексею застыть в удивлении.

– У всех братьев наших такие же. Это – крест Церкви Воинствующей, и носят его те, о ком мы тут с тобой беседовали. И значение он имеет особое, и силу. Теперь понятно мне, почему тварь адская тебя в мгновение не разорвала. Учужал. Боялся... А заодно вот тебе, Алеша, и доказательство промысла Божьего – того, что ничего в жизни этой не происходит «просто так» или «случайно». На все воля Его, и значит, должны были наши пути-дороги пересечься. Такие, выходит, планы у Него на тебя... Просто время пришло нужное.

– Для чего пришло?

– Ну... Для того хотя бы, чтобы ты правду понял, принял и поверил в нее! Для того, чтобы над жизнью своей задумался, над тем как дальше быть и с кем.

– Погодите... Вы что, меня... одним из вас стать приглашаете?! В Братство зовете?!

– Стать или не стать – не мне решать одному, – отец Михаил усмехнулся, – Да и не сразу это решается, ох, не сразу... Но в гости, в обитель нашу я тебя зову. Или, может, тебе еще подумать надо?!

* * *

Звон... Короткий и мелодичный – от мимолетного соуда-

рения стремительных клинков. Вспышка... Солнечный блик на, казалось бы, невесомо порхающих лезвиях, отполированных до зеркального блеска. Тень... Смазанный силуэт, в который, ослепив всего на секунду, вдруг превращается твой противник, одним неуловимым, немыслимо плавным и быстрым движением ускользая из поля зрения! И удар! Хлесткий, прилетевший словно бы из ниоткуда, подрубающий ноги и бросающий на утоптаный крупный песок лицом и руками, из которых вдруг куда-то делось оружие...

У-у-ух... Ну вот, опять! Четвертый раз подряд... Алексей, незаметно сплюнув, поднимается, стараясь делать это одним движением, стряхивает песок и идет навстречу тому, кто, от души улыбаясь, стоит по одадь, держа в руках оба клинка. Тот кивает приглашающе: «Начнем сначала!» Начнем, конечно – в пятый раз. А будет и седьмой, и десятый, скорее всего. В чем в чем, а уж в этом Алексею сомневаться не приходится...

В монастырскую калитку по названному в тот вечер отцом Михаилом адресу он стучался буквально через день. Думать?! А о чем тут было думать-то, в сущности? У настоящего сыщика (если он настоящий, конечно же, а не подонок, пришедший в «органы» за властью и взятками) понятие служения въедается не то что в кровь, а в костный мозг. Становится сущностью. И когда после лет и лет такого служения ты вдруг становишься никем, перемолотым и вышвырнутым

системой человеческим мусором, то теряется не только удостоверение с табельным «стволом» (хотя и без них первое время – как, извините, без штанов на людной улице). И не «огромная» (три «ха-ха»!) милицейская зарплата. Теряется главное – смысл. Смысл твоего существования, твоей жизни. И это будет саднить и болеть фантомными болями, как отрезанная конечность – до конца твоих дней. До конца жизни будет не хватать этого – Настоящего. Настоящего дела, настоящих опасностей, настоящих, проверяющихся практически ежедневно по высшей мере, человеческих отношений. Потому что настолько остро и ярко ты не будешь чувствовать жизнь уже никогда...

Да и в чисто житейском плане – куда идти? Чем занять себя и как устраивать жизнь? Податься в «бизнес»? Не имея ни опыта, ни нужных связей, ни «стартовых» денег? Да и не имея, по правде говоря, ни способностей, ни желания этим заниматься? Пристроиться в частной охранной фирме? И что? «Жирные» места начальников «секьюрити» банков и крупных предприятий занимают не его полета птицы. Отставных генералов и полковников тоже хватает, и кушать они хотят не меньше, чем капитаны. Куда побольше, если честно. А с его опытом, возрастом и специализацией... Оберегать чужое добро, понимая прекрасно, что такого тебе не нажить и за три жизни? Опускаться постепенно до уровня сторожа? Или – еще того лучше – очутиться в прикрытой законом, легализованной банде, занимающейся «крышевани-

ем» и «выбиванием»? Стать в один ряд с теми, кого по жизни откровенно презирал? Нет, есть, конечно, и приличные «частники», достойные. Но тут уж – как повезет... А зачем испытывать судьбу, если есть возможность заняться не просто достойным делом, а таким, достойней которого даже и не представить?! Да еще и действовать в системе координат, где нет места полумерам, компромиссам, «вариантам». Где все четко разделено на черное и белое, своих и врагов, подлежащих безусловному искоренению! Да это – мечта для некоторых людей! Алексей был как раз из таких – из-за чего, если честно, и случалось подавляющее большинство его служебных проблем. А здесь – возможность не прислуживать, а служить. Не «решать вопросы», всегда учитывая чьи-то «интересы» и «расклады», а реально бороться со Злом... Без въедливых прокуроров, продажных судей, очумелой «общественности» и буйнопомешанных правозащитников... Так, по крайней мере, представлялось ему в тот момент, когда он стучался в калитку неприметного монастыря...

Где-то подсознательно Алексей ожидал процесса «оформления», чем-то похожего на мытарства в милицейских «кадрах» – то есть долгого и нудного. Однако никаких проверок, комиссий и, тем более, медосмотров с освидетельствованиями не случилось. Да, было собеседование с братом Георгием, который возглавлял отряд, куда Алексею предстояло влиться – вот оно-то единственное и напомнило ему что-то

знакомое по временам прошлой службы. Да и неудивительно – речь, собственно, о милицейской службе и уровне «профподготовки» к ней и шла. А вот беседы с несколькими священниками, скорее, были разговорами по душам. Правда, начинались они с вроде бы совершенно незначительных и обыденных вопросов, а заканчивались тем, что рассказывал о себе Алексей те вещи, о которых ему раньше вряд ли бы и в голову взбрело говорить вообще с кем-либо. Ну, получалось так как-то... Само собой вроде бы.

Ну, а потом было самое серьезное. Была исповедь... Долгая. Непростая. Принимал ее у Алексея отец Михаил, с мастерством профессора-хирурга удалявший засевшие в израненной душе гнилые занозы и ржавые гвозди. Если продолжать эту ассоциацию – солью раны не посыпал, но и обезболивающего не вкалывал. А как еще расставаться с грехами, если не через боль? К концу исповеди Алексей с удивлением почувствовал, что лицо его мокрое – от слез. Однако и такого чувства облегчения и покоя никогда в жизни раньше ему испытывать не приходилось.

Исповедь, причастие, церковные службы – все это стало с того момента частью его жизни. Никто не заставлял, силой не гнал – но и без этого было невозможно. С другой стороны, то, что раньше представлялось скучным, каким-то мертвым обрядом, который просто надо выстоять, теперь стремитель-

но наполнялось живым смыслом – особенно после бесед со священниками. Они терпеливо растолковывали и объясняли ему, только вставшему на путь воина Церкви, те вещи, которые человек верующий вообще-то должен был бы знать с раннего детства. Никто при этом невежеством в элементарных вопросах его не попрекал, даже отвечая на те вопросы, относительно которых сам же Алексей какое-то время спустя понимал, что были они как минимум неуместными. И дурацкими – как максимум.

Святые отцы учили и другому – тем вещам, без знания и понимания которых он был бы самым обычным боевиком-сорохвотом, а не Божиим воином. Один священник сменял другого, втолковывая:

– Главное оружие и ограждение Церкви и всех членов ее от врагов видимых и невидимых суть Крест. Он – орудие спасительной смерти Господа нашего Иисуса Христа, избавившего весь род людской от рабской участи греху и диаволу, от вечной гибели. Крест же через это соделался символом и знамением спасения и победы над смертью. Оттого содержит он в себе благодатную силу Распятого Спасителя.

Любая нечисть креста страшится, бежит от него в ужасе. Честным крестом и крестным знамением побеждаем силы нечистые, развеиваем бесовское обморачивание и темные чары. При сем говорим следующее...

– Святая вода – вода, что освящена в церкви на специальном водосвятном молебне. При сем крест святой трижды

должен быть погружен в воду – с подобающими молитвами и песнопениями. Водосвятие разделяем великое и малое – великое осуществляется накануне праздника Богоявления и в сам день праздника. Малое же – в иные праздники, и во всякий день, как в храмах, так и в домах, на полях и в иных местах, по желанию священника и верующих. Святая вода, употребленная с истинной верою, душу и тело христианина укрепляет и врачует, всякую же нечисть уязвляет жестоко, гонит и устрашает. Запомни! Ежели святая вода, запасенная, заканчивается, возможно в нее добавить воды неосвященной, только чистой. Та же вода сама освящение примет. Коли нужда выпадет – так и поступай.

– Молитва – обращение человека к Богу. В ней Господа мы славим, каемся в своем недостоинстве, исповедуемся перед ним, за явленные нам милости благодарим и о личных своих нуждах просим. Молитва – великое оружие Божьего воина. Ей нечистые силы посрамляем и побеждаем. Сильнее всех для этого – запретительные молитвы. Сие – молитвы некоторых богослужебных чинопоследований, диаволу запрещающие и его изгоняющие. Читать такие молитвы допустимо и должно лишь рукоположенному священнику. Мирянину же такое не подобает. В каких случаях и какие именно молитвы тебе читать надлежит, запоминай...

Это составляло, так сказать, теоретическую часть его учебы. Была и специальная подготовка – как же без нее. Алексей

всегда числился неплохим рукопашником. Не чемпион, конечно, но из схваток с достаточно серьезными противниками выходил победителем не раз. Сейчас же его самооценка в этом плане упала, причем резко. Оказывается, он просто не сталкивался еще в этой жизни не просто с хорошими бойцами, а с Мастерами. Теперь вот столкнулся... При этом надо, конечно, было делать поправку на то, что система ведения боя, принятая в Братстве, здорово отличалась от всех тех, с которыми ему доводилось иметь дело ранее. По той простой причине, что «заточена» была под бой не с людьми, ну, вернее, не только и не столько с людьми, сколько с сущностями и тварями, которые своей силой и скоростью людей зачастую превосходили многократно. Мало того – даже мимолетный физический контакт с некоторыми из них практически со стопроцентной гарантией приводил к самым неприятным последствиям – вплоть до летального исхода. Поэтому основной упор делался не на отработку, скажем, захватов и болевых удержаний, – это годилось, но опять-таки только и исключительно против людей – а на умение избегать прямого столкновения и противостояния «сила против силы». Уходы вместо жестких блоков, увертки и сложнее – на уровне акробатики финты – было в этом что-то от айкидо. Но вместе с тем присутствовала и наработка жестких, молниеносных ударов, так что, скорее, ближе всего эта система была (из всех знакомых Алексею) к чему-то вроде джиу-джитсу. А в общем-то, рукопашный бой был для братьев чем-то вспомо-

гательным, или, скорее, средством для совсем уж крайнего случая. Против тех, с кем им приходилось иметь дело, с большими руками (пусть и самому тренированному бойцу) лучше все-таки было не соваться...

Основным оружием братьев были клинки. Дать более конкретную классификацию Алексею, который очень даже прилично разбирался в «холодняке», было затруднительно. Для мечей – вроде бы слишком короткие и легкие, а для кинжалов – крупноваты. Алексей, естественно, сразу же полез с расспросами – почему так? На это не сильно разговорчивый обычно брат Илья, выполнявший для «новобранца» роль инструктора по клинковому бою, объяснил, что да, изначально оружием братьев как раз и был классический славянский меч. Причем оружием главным, с которым они не расставались практически никогда. Но было это, конечно, в те времена, когда вид опоясанного мечом человека даже в самом людном месте ни у кого никаких вопросов не вызывал – нормальная деталь костюма, так сказать.

Так было когда-то. А нынче... Попробуйте сегодня продефилировать с мечом по городу – хотя бы проехаться в метро в час «пик». Кто-то примет за спятившего «реставратора», а кто-то и сразу за потерявшего страх маньяка, вышедшего на охоту за головами. Короче, проблемы гарантированы как с правоохранителями, так и с представителями психиатрии – не обязательно в такой последовательности, но наверняка. Современный же клинок братства оказался куда как удо-

бен не только для ношения (прежде всего скрытого), но и для боевого применения, к примеру, в условиях ограниченного пространства, где длинным мечом не сильно-то и помажешь. Кстати, потеряв в длине, клинок остался достаточно массивным – настолько, что им можно было не только колоть или резать, но и рубить. Это опять-таки результат выводов, сделанных из практики, – боевой опыт применения пришедших на смену мечам шпаг и остального куда более изящного оружия, вроде рапир, показал, что против нечисти и нежити они крайне неэффективны. Выходцы из потустороннего мира умудрялись переносить все возрастающее количество колотых ран в своем, существующем по нелюдским законам организме, сохраняя большую часть своих боевых качеств, а то и вовсе игнорировать. А вот отсечение различных когтистых конечностей, щупалец и тем более – башки, действовало на них как раз с нужным эффектом.

Широкое (причем не равномерно, а прямое у основания и с расширением ближе к острию) лезвие, не вычурная, а простая практичная гарда, рукоять, обтянутая кожей и имеющая на конце блестящее полушарие-балансир, позволяющее наносить серьезные удары – именно так выглядел сегодня клинок Братства. При этом изготавливался он полностью из серебра, на нем гравировались строки молитв и церковные символы, после чего следовала церемония освящения. Вот тогда-то и становился этот клинок грозным оружием, смертельно опасным для нечисти и ее приспешников.

Другим оружием или, скорее уж, средством активной самообороны (правда, используемым больше не братьями, а опекаемыми ими священниками) были посохи. Тоже весьма непростые – не из абы какого дерева сделанные, окованные полосками серебра, прошедшие обряды освящения. С их помощью можно было противника, прежде всего, удержать на расстоянии, остановить и временно обездвижить – хотя бы до того, как подоспеет подмога. Впрочем... Как-то раз Алексей стал невольным свидетелем того, на что с этим самым посохом в руках способен вышедший поразмяться на тренировочную площадку батюшка. Н-да... Не хотелось бы ему оказаться противником в поединке с этим бойцом. Посох, шест – это в руках неумехи палка, а когда его берет мастер... Шаолиньскими монахами в наши дурные времена, наполненные преклонением перед всем иноземным, восхищаются все. Вот только почему-то забывают при этом о воине-монахе Пересвете, с копьем одолевшего на Куликовом поле лучшего поединщика Мамаевой орды Челубея, который, кстати говоря, тоже был бойцом далеко не простым. Древнерусские летописи уверенно причисляют его к членам некоей «секты воинов-буддистов», причем имел в ней «поганский» богатырь самую высшую степень посвящения. Уж не шаолиньских ли мастеров ученичок?! Вполне возможно, особенно если учесть, что до встречи с Пересветом противник его одержал победу аж в трех сотнях поединков и счи-

тался непобиваемым в принципе. А вот поди ж ты – против православного монаха не сдюжил...

Имелось в арсенале Братства и более привычное для Алексея огнестрельное оружие – как пистолеты с «калашами» различных модификаций, так и более серьезные штуки – вплоть до мощных дальнобойных снайперских винтовок. Что интересно, самыми «востребованными», как понял Алексей, были помповые дробовики. По той простой причине, что переснарядить боеприпас к ним серебром вместо свинца было делом элементарным, пусть даже и в домашних условиях. Имелся в наличии «спецбоеприпас» – то есть патроны с серебряными, особым способом изготовленными пулями и для всех прочих «стволов», но с его изготовлением, понятно, дело обстояло куда сложнее. Да и эффективность серебряных пуль против многих из противников, с которыми доводилось бороться Братству, была, мягко говоря, сильно преувеличена. Да – помогало... Но далеко не всегда и далеко не против всех представителей весьма разнообразной нечисти. В тонкостях и нюансах данного вопроса Алексею, заслуженно «блеснувшему» на небольшом стрельбище Братства, еще предстояло разбираться и разбираться. Оно и понятно – охватить сразу всю огромную сумму знаний и опыта, накопленного Божьими стражами за века, не удалось бы никому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.